

ПЛЕЙЛИСТ

Jason Derulo «Stupid Love»

The Weeknd «Or Nah»

Dead Prez «Hip Hop»

Avenged Sevenfold «Hail to the King»

Machine Gun Kelly «Bad Things»

The Game «It's Okay»

David Guetta «Where the Girls At»

Cheat Codes «No Promises»

Redman «Cisco Kid»

Cypress Hill «Tequila Sunrise»

Kendrick Lamar «Humble»

Tash Sultana «Jungle»

Tsar B «Escalate»

Tsar B «Myth»

Девушкам, которые прошли через ад,
но вышли из него с огнем, пылающим
в их душах, с окровавленными сердцами
и с дьяволом за спиной.

Это для вас.

Для нас.

Возродите эту корону.

Да будет так.

Мамочка? Я проскользнула за закрытую дверь своей спальни.

Когда я выглянула из-за угла, моя мама начала повышать голос, указывая пальцем на стоящего перед ней мужчину:

— Нет, это не было частью плана!

Мужчина улыбнулся так, что я крепче прижала к груди свою плюшевую игрушку Папши.

— Вы не можете указывать. Она Венафи. Вам придется сбежать, и в самое ближайшее время, если вы не хотите быть пойманной.

Мама сжала в кулаке медальон на груди.

— Она... — шептала мама, слезы катились по ее щекам. — Она всего лишь ребенок, Лукан. Она... она...

— *Серебряный лебедь, Элизабет. Вы должны бежать. Сейчас же, пока Гектор все не узнал.*

Мама с трудом вдохнула, в то время как я отступила назад и тихо вернулась в свою кровать. Скользнув под теплое одеяло, я свернулась в клубок и прижалась к Паппи. Это был подарок на мой день рождения от близкого друга семьи, и с тех пор я спала только с ней. На ней были надеты балетки и пышное платье, а лапки поднимались, стоило потянуть за ниточки, пришитые к ним. Услышав звук открывающейся двери, я зажмурила глаза, цапая указательным пальцем глаз-пуговицу Паппи. Плюш давно изнашивался, а веревочки, с помощью которых она поднимала лапки, порвались. Мне исполнилось семь, и я была слишком взрослой, чтобы спать с Паппи. Но я точно знала, почему этот человек здесь.

Он приходит каждую пятницу.

Я знаю, что он сделает дальше.

По комнате Мэдисон разливается едва уловимый запах крови. Рыдания сотрясают ее тело. Прижав колени к груди, она зажмуривает глаза, тщетно пытаясь отогнать воспоминания, преследовавшие ее каждую ночь. Так, словно она оказалась одна на темной, сырой, пустынной доро-

ге, не имея возможности освободиться от того, что ее тяготило.

— *Это часть тебя, Лебедь.*

Голос, нарушивший тишину, заставил ее тело покрыться мурашками. Внезапно все вокруг изменилось, так, словно она смотрела на саму себя со стороны.

— *Нет!*

Мэдисон металась в его руках, пытаясь освободить запястья от крепкой хватки.

— *Ш-ш-ш, Лебедь, ты себе не принадлежишь.*

— *Что? — Мэдисон ахнула, слезы потекли по ее щекам. — Что это значит?*

Рука, сжимавшая запястья, переместилась к ее волосам и слегка потянула их вниз.

— *Пожалуйста, не надо. Не сегодня, — умоляла Мэдисон, ее горло сдавливало от боли и унижения.*

— *Тебе лучше привыкнуть к этому, Лебедь. Это только начало.*

— *Но я маленькая.*

— *Это лучше, чем быть мертвой.*

Затем он сорвал с нее штаны и швырнул их в угол комнаты. Она закрыла глаза и мечтала о другом дне, о том прекрасном дне, когда се-

Амо Джонс

креты их семьи не будут приходить в ее спальню вечером каждой пятницы. «Черная пятница» — так называла это Мэдисон. Она боялась его, презирала его и однажды надеялась пустить ему пулю между глаз. В первый раз он лишил ее девственности. И Мэдисон знала, что кровь, стекающая по ее невинным бедрам, не прольется без возмездия.

ГЛАВА 1

— **А**эдисон? Ты уверена, что хочешь сбежать? — спрашивает Татум, глядя на меня с водительского кресла.

— Да, — отвечаю я, глядя в окно. — Я больше не могу находиться с ними рядом, Татум.

Она продолжает пристально посматривать на меня, выезжая на шоссе.

— Хочешь поговорить о том, что случилось?

Я включаю радио, надеясь заглушить ее вопросы. Начинает играть «Stupid Love» Джейсона Деруло.

— Поняла, не будем об этом, — бормочет Татум, переключая внимание на дорогу.

Я закрываю глаза и концентрируюсь на музыке. К черту любовь. К черту любые чув-

ства, похожие на любовь. Единственный человек, который должен был безоговорочно меня любить, тоже оказался предателем. О чем это говорит? Я что, настолько непривлекательна? Или все они думают, что я не заслуживаю знать правду? Честно говоря, оба эти варианта — дерьмо.

Песня заканчивается, и я выключаю радио, понимая, что это Татум ни в чем не виновата.

— Ты не обязана сбегать со мной, Тат, но я не могу оставаться здесь, с ними, после всей этой лжи.

Она вздыхает.

— Мэди, я не оставляю тебя. Я знаю, что наша дружба развивалась очень быстро, но... У меня никогда раньше не было друзей, и мне немного... — ее лицо краснеет, прежде чем она поворачивается в мою сторону, — одиноко. Так что я тебя не брошу.

— Но ты понимаешь, что нам придется отказаться от всех кредитных карт? — напоминаю я, наблюдая за ее реакцией.

Пару секунд она обдумывает мои слова, но затем улыбка снова появляется на ее лице.

— Да, Мэди. Считай, что их уже нет.

— Серьезно? — спрашиваю я, изогнув бровь.

— Ага. — Она кивает, и я почти ей верю. Но затем она невзначай добавляет: — Сразу после того, как я сниму несколько тысяч наличкой.

Смеясь, я качаю головой и снова включаю музыку. Что, черт возьми, мы собираемся делать?

— Итак, — начинает Татум, поправляя волосы одной рукой и одновременно держась за руль другой. — Нам нужно быстро вернуться к тебе домой и собрать все нужные вещи.

— Ты шутишь? — спрашиваю я, в ужасе от перспективы оказаться дома. — Нет, Тат, я не хочу туда идти.

Она смотрит на меня.

— Разве у тебя есть варианты, Мэди? Нам нужны паспорта и все остальное!

— Хорошо, — шепчу я и откидываюсь на сиденье, обдумывая решение. — Слушай, это, конечно, выстрел вслепую, но я обещаю, что если ничего не получится, то мы поедем ко мне домой и заберем все нужные вещи.

Татум вздыхает.

— Так, и куда мы едем?

Я сглатываю.

— В Риверсайд. В библиотеку.

Подъехав к школе, Татум паркует машину перед входом и поворачивается ко мне.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Эм... — ищу подходящее слово, но безуспешно. — Нет.

Толкнув дверь, я выхожу из машины одновременно с Татум.

— Как хорошо, что я надела спортивную обувь.

Обойдя машину, она встает рядом со мной.

Я опускаю взгляд на ее ноги.

— Это не кроссовки, Татум.

Направляясь к школе, мы прокрадываемся мимо классов для девочек, нагибаясь под окнами, и пробираемся мимо бассейна прямо к библиотеке, расположенной за спортзалом. Когда мы оказываемся у входа для студентов, я прикладываю свой ученический пропуск, и дверь открывается. Внутри довольно тихо, несколько студентов слоняются между стеллажами, но никто не обращает на нас внимания. Грохот захлопнувшейся двери нарушает характерную для школьной библиотеки гробовую тишину.

Мисс Винтерс резко поднимает голову, отрываясь от чтения книги. При виде меня ее глаза расширяются, в то время как я умоляюще на нее смотрю.

Сдвинув очки на нос, она подходит ко мне и Татум. Я чувствую, что она напряжена и напугана.

— Девочки, чем я могу вам помочь?

Она фальшиво улыбается.

— Я знаю — это все, что я могу ей сказать.

Все это время я задавалась вопросом, *что, черт возьми, происходит*, только ради того, чтобы сейчас произнести эти два простых слова.

Мисс Винтерс делает паузу, склонив голову набок. Ее взгляд бегло скользит по моему плечу, прежде чем снова вернуться к моему лицу.

— Ты знаешь?

Не отводя глаза, я расправляю плечи.

— Я. Знаю.

В ту же секунду она с силой хватается Татум и меня за руки и толкает нас обратно к входу, через который мы только что зашли. Выставляет нас обратно на улицу и с шумом захлопывает за собой двери.

Выдохнув, она прижимает руку ко лбу и делает круговые движения, пытаюсь успокоиться.

— Дерьмо.

Она вытягивает шею, закрывает глаза и выдыхает:

— Ты знаешь, что ты Серебряный лебедь?

— Серебряный кто? — тут же встречается Татум, нахмутив брови.

— Да, — шиплю я. — Но я понятия не имею, что, черт возьми, это значит, откуда вам об этом известно и почему все вокруг мне лгали.

— Я не могу... — Мисс Винтерс качает головой. — Мне очень жаль, Мэдисон, но я не могу в это вмешиваться. Это слишком опасно.

— Тогда вы поможете мне сбежать?

Мисс Винтерс поворачивается ко мне лицом.

— Ты не сбежишь от Королей, Мэдисон. Они убьют тебя.

Она заканчивает свою фразу почти шепотом.

— Меня все равно убьют. Во всяком случае, если я правильно поняла Книгу.

— Где эта книга? — спрашивает мисс Винтерс, нервно оглядываясь по сторонам.

— Она в моей сумке. Так вы поможете мне или нет?

Она делает паузу, смотрит мне в глаза, а затем вытаскивает из кармана телефон.

— Слушай, я знаю одного парня. Скажи ему, что тебя прислала Тинкер.

— Тинкер? — спрашиваю я, пока она что-то ищет в своем мобильном.

Она поднимает голову.

— Да, Тинкер.

Внезапно она делает паузу и опускает руки.

— Что?

— Просто... Послушай, если хочешь спастись, тебе нужно сделать все так, как я скажу. Обязательно возьми с собой все документы, которые ему понадобятся, и сними со счета деньги. Это обойдется недешево. Ты не сможешь взять с собой больше десяти тысяч наличными, если полетишь международным рейсом, так что для начала сними десять тысяч, а после еще восемь, чтобы получить от Бенни все необходимое.

Она диктует мне номер, и я быстро добавляю его в свой телефон.

— Он возьмет по четыре тысячи с каждой.

Она останавливается и смотрит на меня.

— Беги, Мэди. Беги и никогда не возвращайся, потому что, независимо от того, что думает о тебе Бишоп... — она смотрит мне в глаза, — это ничего не значит. Так же, как это ничего не значило и с Хейл.

— Что вы имеете в виду? Что вам известно о Хейл?

Ее лицо становится жестким.

— Я знаю, что он пустил ей пулю между глаз.

ГЛАВА 2

Вернувшись к машине Татум, мы садимся
внутри и едем к банку.

— Что, черт возьми, она имела в виду? Бишоп кого-то убил?

Татум широко открывает глаза, попеременно
глядя то на меня, то на дорогу.

— Не думаю, что это была его первая жертва, — бормочу я, уставившись в окно.

— Ты так и не сказала мне, что видела в той комнате, Мэди.

Я хотела бы все ей рассказать, но какое-то странное чувство внутри не позволяет мне выдать Бишопа. Глупая девчонка — ругаю я себя. Но в любом случае для самой Татум будет безопаснее оставаться в неведении.

— Я действительно не хочу об этом говорить, Тат.

Она улыбается и гладит меня по руке:

— Мы сваливаем отсюда.

Подъехав к обочине, мы вылезаем из машины. Закрыв за собой дверь, я обращаюсь к Татум:

— Ты иди в свой банк, а я пойду в свой. Каждая из нас может провезти по десять тысяч. Так мы точно сможем сбежать.

Татум кивает, но что-то странное мелькает в ее глазах.

Я делаю паузу.

— Ты в порядке?

— Мы действительно сделаем это? — быстро спрашивает она.

— Ты все еще можешь отказаться. Я не хочу втягивать тебя в свои неприятности.

— Нет. — Она качает головой. — Я еду с тобой. Здесь меня ничего не держит.

Я грустно улыбаюсь.

— Хорошо, тогда все решено. Встречаемся на этом же месте через десять минут.

Татум кивает, и мы расходимся, направляясь к нужным нам банкам. Оказавшись у входа, я толкаю дверь и неожиданно в кого-то врезаюсь.

— Извините, — бормочу я, отходя в сторону.

— Мэдисон?

Я поднимаю глаза и вижу, что на меня смотрит Ридж.

— Ой, привет, — говорю я, глядя через его плечо. Нельзя задерживаться. Нужно сделать все как можно быстрее и без лишних остановок.

— Эй, я как раз собирался тебя искать. Ты что-нибудь слышала о Тилли? — спрашивает он, наклонив голову.

Я смотрю на него, на этот раз внимательно, и замечаю темные круги под покрасневшими глазами и растрепанные волосы.

— Нет, с тех пор как мы вернулись из хижины. А что? Что-то не так?

И тут осознаю, что действительно ничего не слышала о Тилли с нашей последней встречи. Я была так занята своими проблемами, что совсем забыла о других.

Он качает головой.

— Да, ее уже давно никто не видел.

— Я позвоню ей. Уверена, что она в порядке.

Конечно, с ней могло случиться что угодно, но это не исключает того, что все действительно в порядке. Судя по рассказам о ее отце, нет ничего удивительного в том, что она не захотела ехать домой.

— Хорошо.

Он вытаскивает свой телефон.

— Если не против, я дам тебе свой номер, чтобы ты смогла позвонить, когда что-то о ней узнаешь. Я просто хочу знать, что с ней все в порядке.

Я киваю, посматривая в сторону банкомата. Мне действительно нужно спешить.

— Конечно.

Он диктует свой номер, и я вбиваю его в телефон... Мой телефон! Вот черт!

— Если не сложно, — начинаю я, стараясь звучать спокойно, — не мог бы ты его записать?

Он поднимает на меня взгляд, но затем кивает, достает ручку и записывает номер у меня на запястье.

— Спасибо, я позвоню.

Отхожу от него и тут же мчусь к банкомату. Там чертова очередь. Кто бы сомневался.

Пятнадцать минут спустя я выхожу из банка, бросаю банковскую карту в мусорное ведро и возвращаюсь к машине.

Открывая пассажирскую дверцу, Татум улыбается мне со своего места.

— Я просто чертовски взволнована!

— Еще бы, — бормочу я, доставая телефон. —
Поехали.

Я открываю бардачок, достаю блокнот и переписываю туда номер Риджа.

— Я позвоню Бенни.

Татум кивает, продолжая вести машину.

Около минуты я слышу гудки, но наконец в трубке раздается низкий голос.

— От кого ты?

— Э-э... э-э... — Я оглядываюсь в замешательстве. Что за странный способ отвечать на звонки. — От Тинкер?

Боже, как смешно произносить это имя вслух.

Пауза.

Тишина.

— За поворотом, на последнем отрезке 4-го шоссе.

— Э-э... Хорошо?

Он вешает трубку. Я молча смотрю на свой телефон, а затем перевожу взгляд на Татум.

— Что он сказал? — спрашивает она, глядя на дорогу.

— Нам нужно доехать до поворота на последнем отрезке 4-го шоссе.

Тат кивает.

— Я знаю, где это.

— Дай мне свой телефон. — Я протягиваю руку. — Тебе нужно сохранить какие-то номера?

Она делает паузу, ее глаза слегка стекленеют, прежде чем она снова расправляет плечи.

— Нет. Никто даже не заметит, что я пропала.

Я грустно улыбаюсь ей, а затем открываю окно и выбрасываю мобильник. Затем листаю свои контакты и записываю пару нужных номеров. Во время прокрутки мой палец останавливается на имени Бишопа, и мое сердце слегка замирает.

Пошел он.

Он убил не только Элли, но, по всей видимости, еще и Хейл. Я пропускаю его имя и продолжаю листать, пока не добираюсь до своего отца. Мое сердце сжимается с новой силой, но я не останавливаюсь и продолжаю прокручивать список.

Нейт.

Закрываю глаза и сжимаю телефон, чувствуя... разочарование? Грусть? Оба чувства одновременно? Снова опустив окно, я с закрытыми глазами выбрасываю мобильник из машины.

— Мне тоже никто не нужен.

Мы подъезжаем к почти заброшенному перекрестку шоссе, и я замечаю, что он совсем пуст — уже вечер, послеполуденное солнце проскальзывает сквозь широкие ветви деревьев, растущих на окраине города.

— Здесь никого нет. Так тихо.

— Слишком тихо, — добавляю я.

Мы останавливаемся, и я выхожу из машины, хлопая дверью.

Татум опускает окно.

— Мэди! Черт возьми, ты можешь хотя бы сегодня не изображать из себя крутую? Я не хочу умирать прямо сейчас. Или еще когда-то.

Я закатываю глаза.

— Мисс Винтерс дала нам номер этого чувака. Она бы нас не обманула.

— Вы очень доверяете мисс Винтерс, — произносит чужой голос, и из тени ко мне направляется чья-то фигура.

Я оборачиваюсь и вижу, как к нам приближается мужчина. На нем надета толстовка с капюшоном и рваные темные джинсы, и, должно быть, ему чуть больше сорока лет.

— У нас нет другого выхода.

Он понимающе кивает. На первый взгляд ничего подозрительного.

— Я связался с Тинкер. У меня есть все документы для вашего отъезда.

— Так быстро!

— Я знаю нужных людей. Вот почему я так много беру.

Я пожимаю плечами, не нуждаясь в подробностях.

— Дайте посмотреть. — Он протягивает мне две папки с документами. На одной из них написано «Амира», а на другой «Аталия». Фамилии одинаковые. — Мы сестры? — Я вопросительно смотрю на Бенни. — Амира и Аталия Мэддокс? Вы не могли придумать что-то попроще?

Бенни смотрит на меня невозмутимым взглядом.

— Отдайте деньги.

Я вытаскиваю толстый конверт и передаю ему. Он достает наличные и быстро их пересчитывает.

— Я так понимаю, здесь вся сумма?

— Конечно. Можете быть уверены.

Он делает паузу, наблюдая за нами в течение секунды, а затем, кажется, удовлетворится моим ответом.

Амо Джонс

— Этого не было. Счастливого пути, Амира. Я Амира? Конечно, теперь это я. Глупое вычурное имя, которое мне вообще не подходит.

Возвращаюсь к машине, распаиваю дверцу и протягиваю Татум папку, на которой написано ее новое имя.

— Держи, Аталия.

Она усмехается, но затем ее улыбка исчезает.

— Серьезно?

— Еще как серьезно.

— Черт. Ладно, поехали.

Она включает первую передачу, и мы едем в ближайший аэропорт.

Уже через час мы паркуемся в гараже. Выйдя из машины, мы обе направляемся к зданию с сумками в руках — я со спортивной, а Татум со своей маленькой сумочкой.

— Куда мы едем? — спрашивает Татум, глядя на меня.

Я пробегаю глазами по рейсам. Улыбаясь, толкаю ее локтем.

— Сколько понадобится времени, чтобы получить визу?

ГЛАВА 3

Получить визу оказалось довольно просто. В аэропорте установлен киоск, и, поскольку страна, в которую мы летим, имеет прямое соглашение с Соединенными Штатами, все, что от нас потребовалось, — заполнить онлайн-анкету — и готово: наш запрос сразу же одобрили.

— Не могу в это поверить, — шепчет Татум. — Мы едем в Новую Зеландию? Ты не могла выбрать другую страну, например... Дубай?

Я поворачиваюсь к ней лицом.

— Думаешь, им понравились бы наши документы?

Она вздыхает.

— Да, ты права.

— И кроме того, — добавляю я, — я даже не слышала о Новой Зеландии. И Бишоп, скорее всего, тоже. И еще... — я смотрю в ее неблагодарные глаза, — или это, или какой-нибудь захудалый городишко в Индонезии или Таиланде.

— Мы могли бы сделать в Таиланде дешевые сиськи.

Я закатываю глаза, и в это же время голос над головой объявляет название нашего рейса.

Смотрю на Татум, и мое сердце выпрыгивает из груди.

— Ты готова?

Она поднимает на меня глаза и берет меня за руку.

— Да... да, я готова.

Два месяца спустя

— Ну, не знаю, Та... Аталия.

Татум улыбается мне, выходя из-за барной стойки в обтягивающих шортиках и кружевном лифчике, выглядывающем из-под короткого топа.

— Ты же знаешь, что можешь здесь работать.

Она кивает в сторону стриптизерши. Мы здесь уже два месяца и, надеюсь, останемся еще на

пару, но мне нужно найти работу, чтобы чем-то себя занять.

Я оборачиваюсь и ухмыляюсь.

— Может, мне уже все равно, но даже в этом случае я не собираюсь крутиться на шесте.

Я делаю глоток из своего стакана и откидываюсь на спинку стула, изучая лежащий передо мной лист бумаги и прокручивая в руках карандаш. Сейчас здесь 12 часов дня, значит, дома уже 20:00.

С тех пор как мы сюда приехали, я и Татум живем в маленькой квартирке прямо на побережье. Приземлившись в Окленде через тринадцать часов после посадки в самолет, мы сразу же купили небольшой буклет о стране. Единственно решив, что мы хотим жить рядом с пляжем, мы вознамерились найти уютное место, которое заменило бы нам дом. Так мы и нашли этот небольшой городок посреди острова под названием Маунт Маунгануи. Я до сих пор не научилась правильно произносить его название, поэтому, как и местные жители, называю его просто «Маунт».

Здесь очень красиво. Песчаные пляжи, высокие волны, небольшие магазинчики и ряд домиков прямо вдоль побережья. Чтобы проехать всю по-

лосу береговой линии, нужно около десяти минут на машине, а сразу за ней вы найдете городок под названием Папамоа. Новозеландцы дружелюбны — иногда даже слишком дружелюбны, — еда свежая, а воздух такой, будто постоянно находишься в SPA. Это прекрасно. Но я не могу найти работу с тех пор, как мы приехали. Квартира, в которой мы живем, представляет собой небольшую простенькую студию, но стоит она целое состояние. Оказывается, жить в этом городе не так уж и дешево. Конечно, ведь мы с Татум додумались выбрать один из самых дорогих городов во всей Новой Зеландии. Она сразу нашла работу барменом-стриптизершей за наличку — я не шучу. Я люблю Татум, но не могу не видеть, как она медленно теряет себя.

Может, это происходит и со мной?

Всякий раз, когда я пытаюсь копнуть внутрь себя в поисках своих истинных чувств, я остаюсь ни с чем. У меня не осталось чувств. Пару раз я даже думала о том, чтобы принять предложение Татум и присоединиться к ней в качестве стриптизерши, но потом вспомнила, что ни хрена не умею танцевать и моя задница трясется чуть больше, чем следует.

— Хороший рисунок, — прерывает мои мысли сидящий рядом парень, указывая на мой лист бумаги.

— Спасибо, — бормочу я, протягивая руку к своему стакану.

— Сколько времени ты это рисовала?

— Хм. — Я делаю глоток и снова смотрю на него. — Около двадцати минут.

Он хмурится.

— Могу я взглянуть?

Я киваю.

— Да, конечно.

Протягиваю ему листок, наблюдая, как меняется выражение его лица. У него чуть лохматые, но хорошо уложенные светло-каштановые волосы, щетина, прямой заостренный нос, оливковая кожа, довольно широкие плечи и квадратная челюсть. Одет он в темную кожанную куртку, из-под которой виднеется простая белая футболка, темные джинсы, кожаные браслеты на запястьях и тяжелые байкерские ботинки. Боже, пожалуйста, только не будь байкером.

— Да это чума!

Он ухмыляется, изучая мой последний рисунок. Я не совсем понимаю, что означает «чума»,

кажется, это какой-то новозеландский жаргон. На рисунке я изобразила наполовину распустившийся розовый цветок лотоса. Посередине находится пуля, которую окружают лепестки. Я еще не доработала тени, но в целом вышло неплохо.

— Спасибо, — смущенно отвечаю я.

Он внимательно на меня смотрит.

— Я слышал, ты говорила своей... — он смотрит на Татум, крутящуюся на шесте, — ...подруге, что ищешь работу?

— Ага. — Я киваю. — Мы из Америки.

— Путешествуете?

— Что-то в этом роде, — отвечаю я, натягивая улыбку.

— Джесси. — Он протягивает мне покрытую татуировками руку.

Жму ее, удивляясь мягкости его ладони, не соответствующей грозному внешнему виду.

— Амира.

— Амира? — Он усмехается. — Довольно сексуально.

— Ха! — Я нервно смеюсь. — Возможно.

Он флиртует? Не могу его понять.

Его ухмылка превращается в лукавую улыбку.

— Вот. — Он протягивает свою визитку через

барную стойку. — Я хозяин Inked, тату-салона двумя магазинами дальше. — Он указывает на мой рисунок. — Возьму тебя на работу, если хочешь.

— Что? — недоверчиво бормочу я. — Я никогда не делала людям татуировки!

Он качает головой.

— Зато я делал и делаю, а ты чертовски хорошо рисуешь. Могу и тебя научить. Или ты просто будешь рисовать для меня эскизы. Я работаю только по индивидуальным заказам, так что ты будешь разрабатывать эскизы для каждого клиента по их собственным пожеланиям. Улавливаешь, о чем я?

Я сглатываю.

— Черт.

— Боишься? — Он снова улыбается мне, изогнув темную бровь.

— Что-то вроде того.

— Привет! — Татум подходит к нам, придерживая купюры, набитые в ее бюстгальтер. Господи, что за девчонка. Она улыбается и смотрит на Джесси, а глаза блестят, как фейерверки Четвертого июля¹. Она тут же протягивает ему руку.

¹ Четвертое июля — День независимости США, считается днем рождения Соединенных Штатов как свободной и независимой страны.

— Я Аталия!

Джесси смотрит на нас обеих.

— Просто похожие имена или..?

— Мы сестры, — чирикает Татум, хватается за стойку, вскакивает и усаживается на нее задницей. Джесси подходит к ней, поднимает ее за подмышки и качает головой.

— В этой стране не сидят на столах, девочка.

Я хихикаю, глядя на обиженное лицо Татум.

— Хорошо, — говорю я Джесси, и его взгляд тут же возвращается ко мне. — Я имею в виду, — исправляюсь я, — не знаю, действительно ли подхожу для этой работы, но хочу попробовать. Так как... я была близка к тому, чтобы подняться, — я указываю на сцену, — вон туда.

Он усмехается.

— Хорошо, тогда пойдем.

Он кивает в сторону входной двери, и я смотрю то на нее, то на него, то снова на дверь.

— Ты же не убийца?

— Ты все равно не узнаешь, пока не пойдешь со мной.

Делаю паузу и смотрю на него, а затем допиваю свой напиток и встаю с табурета.

Повернувшись к Татум, я улыбаюсь.

— Я скоро вернусь.

Она пожимает плечами и возвращается на сцену. Вместе с Джесси я выхожу за дверь. Прохладный летний воздух сразу же бьет мне в лицо. Он наклоняет голову в сторону тротуара.

— Ты ведь не убьешь меня сейчас, да? — смеюсь я, засовывая руки в карманы джинсов.

Он смеется, откинув голову назад.

— Это Новая Зеландия, детка. Ты в безопасности.

Судя по тому, что я видала, тут и правда безопасно.

Мы идем по тротуару, пока не оказываемся у магазина, фасад которого выкрашен черной краской с красными вертикальными полосами. Джесси вытаскивает ключи, отпирает дверь и проводит меня внутрь.

Включив свет, он делает пригласительный жест рукой.

— Тут чисто! — Это первое, что приходит мне в голову, и я, конечно же, говорю это вслух.

Джесси усмехается, закрывая за собой дверь, чтобы отгородиться от шума байкеров на главной улице.

— Да, так и должно быть.

Он наклоняет голову и идет вперед к темному бетонному прилавку. Все оформлено в деревенском стиле с долей современности. Полы покрыты глянцевой плиткой, а кресла — черной кожей с замысловатыми узорами, вырезанными на подлокотниках. Все кабинки для татуировок открыты, но есть возможность задернуть занавеску. Сзади также есть отдельная комнатка.

— Это для пирсинга, — бормочет Джесси, протягивая мне пиво, когда замечает, что я смотрю на кабинку.

— Спасибо. — Я беру бутылку. — Так чего именно ты от меня хочешь?

Он делает глоток и смотрит на меня.

— Когда приходят клиенты, ты можешь сидеть рядом с ними во время консультации, слушать то, чего они хотят, и рисовать для них эскиз. Просто рисовать.

— Хорошо, а когда у тебя нет клиентов? — спрашиваю я, внимательно наблюдая за ним.

У него на лице есть пара родинок, которые мгновенно привлекают мое внимание, поэтому я быстро отвожу взгляд, не желая, чтобы он это заметил. Он очень горячий. В нем есть грубая мужская сексуальность. Интересно, сколько ему лет.

— Тогда ты можешь стоять на стойке регистрации. Я предлагаю почасовую оплату плюс процент за рисунки — и все наличными.

Я обдумываю его предложение, одновременно разглядывая картины, висящие на стенах.

— Думаю, я согласна.

Он делает шаг вперед, засунув руки в передние карманы джинсов и наклонив голову.

— Расскажи свою историю.

Глубоко вдохнув, я подношу бутылку ко рту и делаю глоток.

— У меня ее нет.

— Хорошо, тогда как давно ты в Новой Зеландии?

— Пару месяцев. И планирую остаться еще на столько же. Поэтому, пожалуйста, не думай, что это навсегда. Мне очень не хотелось бы произвести неправильное впечатление.

Уголок его рта слегка приподнимается.

— Я не очень люблю постоянство.

Я скольжу взглядом вверх и вниз по его телу, не в силах скрыть свое влечение, и каждый раз ловлю себя на одной мысли: «Я и правда могу это сделать». Да, я могла бы найти мужчину просто для того, чтобы провести с ним время, но Би-

шоп всецело владеет моим телом и моими мыслями. Это несправедливо, учитывая то, как он со мной поступил, но я не в силах его отпустить. Еще слишком рано.

Я останавливаю его рукой, чувствуя, что он собирается приблизиться.

— Пожалуйста, не надо. Не сейчас.

Он усмехается.

— Да, еще не время.

Вручая ему свое едва отпитое пиво, я улыбаюсь.

— Я лучше пойду. Увидимся завтра.

— Ага, приходи в девять утра, — соглашается он.

Я киваю, разворачиваюсь и выхожу за дверь. Решив прогуляться до дома пешком, а не ехать на такси, я оказываюсь неподалеку от главного пляжа. Спускаясь по песчаным ступеням, вдыхаю густой солоноватый океанский воздух и закрываю глаза, погружаясь в звуки плещущихся волн и стрекота сверчков в листве деревьев. Новая Зеландия прекрасна, в этом нет никаких сомнений. Но я скучаю по своему дому в США. Я не знаю, что там происходит сейчас. Никто меня не нашел, а может, никто и не искал — не знаю, что из этого правдивее.

— Ты в порядке? — Татум спускается по ступенькам и подходит ко мне. Я сажусь на песок и прижимаю колени к груди, мои волосы спадают на плечи.

— Не совсем.

Тат плюхается рядом со мной, ее тонкая накидка плотно облегает тело.

— На тебе хотя бы есть нижнее белье?

— Что? — Она невинно хлопает ресницами. — А, конечно! А еще... — Она вытаскивает бутылку виски и что-то определенно напоминающее самокрутку. — Тадам!

Я качаю головой и смеюсь.

— Ты просто сумасшедшая, ты в курсе?

— Я знаю, — вздыхает она, кладя голову мне на плечо. — Будешь сходить с ума со мной?

Я слглатываю, глядя на черный океан, гадая, что скрывается за темным полотном воды.

— Да, думаю, это именно то, что мне сейчас нужно.

Мысли о Бишопе и моем отце терзали меня с тех самых пор, как мы покинули США. Может, Татум легче все это пережить, потому что она всегда под кайфом или пьяна — или занимается сексом. И хотя я не готова к сексу с другими —

даже не знаю почему, ведь мы с Бишопом не были парой, — я все еще чувствую, что предаю его. Почему, черт возьми, меня волнует, обманываю ли я его? Он предал меня! Он лгал, манипулировал и убил человека. Он просто...

— Тат, пусть это прекратится, — шепчу я сквозь подступившие к горлу слезы.

Одинокая слезинка скатывается по моей щеке, и Татум ловит ее указательным пальцем. Затем она берет меня за подбородок и поворачивает лицом к себе. Она смотрит мне в глаза и на секунду кажется совершенно трезвой.

— Мы справимся с этим вместе, Мэди.

Сглотнув, я киваю и беру у нее сигарету. Поджигая ее, зажимаю губами и глубоко вдыхаю, чувствуя, как мои легкие вспыхивают огнем, а горло заполняет густой дым. Выпуская дым, я закашливаюсь и выхватываю виски из рук Татум, передавая ей сигарету. Открутив крышку, хлопаю себя по груди, подношу горлышко к губам и делаю большой глоток, позволяя дешевому виски обволакивать мое и без того пересохшее горло.

Татум падает на спину, зажав сигарету между губами, и я ложусь рядом с ней; над нами про-

стирается темное звездное небо, бутылка виски зажата в моих пальцах, а наши волосы беспорядочно рассыпаны по песку.

— Как думаешь, Тат, это что-нибудь для него значило? — шепчу я, наклонив голову и рассматривая Южный Крест¹, сияющий в небе.

— Для Бишопа? Нет. Для Нейта? Да.

Она громко кашляет. Я продолжаю пить, пока горло не начинает неметь от обжигающего виски, моя голова пульсирует от опьянения. Татум снова передает мне сигарету.

— Извини, Мэди. Я не думаю, что он способен на чувства. Но я бы не стала принимать это на свой счет. Ему плевать на всех на свете.

Я втягиваю дым, на этот раз задерживая его чуть дольше, чтобы усилить эффект, а затем медленно выдыхаю.

— Какого хрена я не могу спать ни с кем другим.

— Это пройдет, детка. Ему было все равно. Но я прекрасно знаю, что это значило для тебя.

— Я идиотка.

¹ Созвездие южного полушария неба в форме креста.

— Нет. — Татум качает головой, протягивая мне виски. — Нет, это не так. Ты Мэдисон Монтомери, и ты чертова богиня, которая способна на настоящие чувства, Мэди. Это дорогого стоит. Многим людям этого не хватает.

— Была способна, — шепчу я, мои слезы уже высохли. — Они использовали меня как марионетку. Теперь я сломана.

— Сломана, но все еще горяча. И кое-кто, кстати, нашел себе горячего тату-мастера!

Я смеюсь, прикусывая нижнюю губу.

— Он неплох, да?

— Неплох? — Татум выглядит возмущенной. — Дорогая, он явно из тех, кто может всю ночь.

— Ты уже решила, куда мы поедем дальше?

Мой голос кажется невнятным бормотанием, и я прищуриваюсь, пытаюсь сфокусироваться.

— Ммм, может, Милан?

— Испания? — спрашиваю я шокировано. — А как насчет Лондона? Может быть, в Бристоль?

— Почему?

— Не знаю. Просто хочу найти горячего британского парня.

— Чтобы потрахаться или чтобы снова жало-

Сломанная кукла

ваться мне на то, что ты не можешь спать с другими парнями?

Я смеюсь, толкая ее в плечо.

— Тихо ты. Пойдем.

Я поднимаюсь с песка и тяну за собой Татум. Мы обе едва держимся на ногах и... я падаю. Плюхаюсь обратно на песок, чувствуя ушибленной задницей твердую землю.

— Черт! — ругается Татум сквозь смешок.

Я не выдерживаю. Из меня вырывается оглушительный хохот, и я хватаюсь за живот.

— Черт возьми! — мотаю я головой, мои щеки болят от смеха.

— Да, такого хохота я уже давно не слышала. — Татум держится за живот, вытирая слезы с глаз.

— Обещаю, что ты будешь слышать его чаще.

ГЛАВА 4

— **Д**оброе утро, красотка! — Татум входит в мою комнату с зажатой между пальцами сигаретой.

— Доброе утро, — отвечаю я, натягивая коротенькие шорты и облегающую майку. — Это не слишком?

— Чушь! — Татум перечеркивает мою неуверенность, делает шаг вперед и предлагает затянуться. Затем она бесцеремонно поправляет мою грудь и ерошит мне волосы. — Это же тату-салон!

Я подношу сигарету к губам и делаю затяжку.

— И правда! — соглашаюсь я, перед тем как вернуть ей сигарету и выйти в гостиную.

Наша квартира — или апартаменты, как их здесь называют, — совсем небольшого размера. В ней две спальни, небольшая гостиная и мини-

кухня с видом на побережье и пляж. Она обходится нам в целое состояние, но Татум очень хотелось тут жить, и, поскольку на тот момент она единственная зарабатывала деньги, я поддаюсь на ее уговоры. Сейчас наше материальное положение довольно стабильное, в первую очередь благодаря тому, что Татум и правда много работает. Наша маленькая кухня выполнена в горчично-желтом цвете, а гостиная — в нейтрально-бежевых оттенках. Это типичный прибрежный домик, а семья, у которой мы его арендуем, также владеет баром, в котором работает Татум. Это сработало в нашу пользу, так что можно сказать, что нам действительно повезло.

Налив себе кофе, я подношу его к губам.

— Работаешь сегодня вечером?

Татум кивает.

— Ага. А ты во сколько заканчиваешь?

Я качаю головой.

— Не знаю. Мы почти ничего не обсуждали.

— С Джесси? — спрашивает Татум. — Он кажется интересным, правда? Он из Новой Зеландии?

— Не знаю и не собираюсь узнавать.

— Он похож на кубинца или на кого-то в этом роде.

— Ты закончила? — спрашиваю я, замечая, как Татум засмотрелась на небо, закинув ноги на деревянный журнальный столик.

В нашей квартире есть вся необходимая мебель. Диваны, холодильник, кровати. Телевизора нет, но он нам и не нужен.

— Ладно, увидимся после работы.

Я машу Татум, которая все еще докуривает сигарету. Прикинув, что до главной улицы идти минут десять, я решаю добраться пешком, а не ехать на автобусе. Экономия и все такое. Я оказываюсь на месте уже спустя пять минут и, глубоко вдохнув, толкаю дверь и захожу внутрь. Играет какая-то незнакомая рок-песня, но мне это даже нравится. Я подхожу к стойке регистрации, где сидит девушка с черными как смоль волосами и кучей татуировок.

— Привет, — говорю я ей.

Она смотрит на меня из-за компьютера.

— Привет! Чем могу помочь?

— Она со мной, — объясняет Джесси, выходя из одной из закрытых кабинок.

Я знаю, он не имел в виду, что я его, но все равно морщусь. Боже, я поморщилась. Я полная идиотка. Хочу провалиться сквозь землю.

— Новая девушка? — спрашивает у Джесси темноволосая девушка.

Джесси кивает.

— Да, это Амира. Она та самая художница, о которой я рассказывал тебе прошлой ночью.

— А, точно! — восклицает она, щелкая пальцами. — Привет! Я Кириана!

— Ки... что? — спрашиваю я, широко раскрыв глаза. — Извини, я... ты не могла бы повторить?

Она смеется и хлопает по стулу рядом с собой.

— Кири, почти как Китти, только с буквой «Р» и «-ана», как... в общем, просто Ана!

— Кириана? — говорю я, понимая, как нелепо это звучит с моим акцентом. Из-за него я, в конце концов, просто произношу имя по частям: Ки-ри-ана.

Она со смехом отмахивается.

— Ты научись. Проходи, садись. Покажешь мне свои рисунки.

Джесси подмигивает мне и возвращается в кабинку. Нарисовав эскизы для двух клиентов, я заканчиваю работать в 17:00. Поднимая сумку, я киваю головой в сторону Джесси.

— Спасибо за сегодня. Это было мне необходимо.

— Без проблем. — Он снова подмигивает.

Я улыбаюсь и выхожу за дверь, направляясь прямо к бару, в котором работает Татум.

Толкнув двери, оказываюсь в полупустом помещении. Из-за раннего времени здесь всего несколько человек, не то что в вечерние часы.

— Привет! — Татум улыбается, подзывая меня к бару.

Я ухмыляюсь и иду к ней. Мне нужно любым способом выкинуть Бишопу из головы, и пока в качестве помощника я выбрала алкоголь. Присаживаясь, Татум наливает мне шот и придвигает его ко мне.

— Пей до дна, красотка! — чокаюсь с ее стаканом и выпиваю шот залпом.

— Да. — Я ухмыляюсь. — До дна! — говорю я и со стуком ставлю рюмку на барную стойку. По бару разносится «Or Nah» The Weeknd, и я хлопаю ладонью по столу. — Еще один!

— Вот это настрой, — визжит Татум, наливая мне еще одну порцию. Она крутит бутылку между пальцами, как настоящий профессионал, пока я выпиваю свой шот. — Где ты этому, черт возьми, научилась?

— Неплохо, да?

Она делает это снова, и я закатываю глаза.

— Хвастаешься, — поддразниваю ее я, выпивая очередную порцию.

Спустя несколько часов и много выпитых рюмок я встаю с барного стула, чувствуя, как из-под ног уходит земля.

— О-о-о-х.

Я хватаюсь за край своего табурета, оглядывая теперь уже полный бар людей.

Перегнувшись через стойку, я врезаюсь в Татум.

— Мне надо пописать. Скоро вернусь!

Она кивает, отталкивая меня. На фоне начинает играть «Нір Нор» группы Dead Prez, пока я протискиваюсь сквозь толпу, направляясь напрямиком в туалет. Зайдя в одну из кабинок, стягиваю штаны и облегченно вздыхаю. Сидя на унитазе, я слышу звонок и вытаскиваю из кармана свой одноразовый телефон¹. Кто вообще знает этот номер?

— Алло? — бормочу я и улыбаюсь тому, насколько же я пьяна.

¹ Телефон, рассчитанный на определенное количество звонков; обычно приобретается для конспирации.

— Думала, что сможешь сбежать от меня, котенок? Н-е-е-е-т.

Я вскрикиваю, сбрасываю звонок, быстро встаю и натягиваю штаны. Схватив мобильник, бросаю его в унитаз, яростно смываю, а затем выбегаю из кабинки, чувствуя, как мое сердце выпрыгивает из груди. О боже! Откуда Бишоп узнал мой номер?

Его голос.

Проталкиваясь сквозь толпу, смотрю прямо на Татум, до тех пор пока не сталкиваюсь с ней лицом к лицу.

— Нам нужно уехать.

— Что? — непонимающе спрашивает она, заглушаемая громкой музыкой.

— Нам. Нужно. Уехать. Сейчас же! — Я почти кричу, хотя мои слова трудно разобрать из-за алкоголя.

Она смотрит мне в глаза, пока к ней наконец не приходит понимание.

— Черт.

— Да, черт возьми, именно так.

Она кивает, стягивает фартук и бросает его на пол. Подбегая ко мне, она хватается за бутылку, и мы спешим из бара.

Джесси.

Дерьмо. У меня даже нет времени сказать ему, что не вернусь. Может, я могла бы оставить записку под дверью салона. Нет, я не могу так рисковать.

Мы ловим такси до нашего дома и, как только попадаем внутрь, тут же вытаскиваем дорожные сумки. Я бегу в ванную, собираю все свои туалетные принадлежности, а затем иду в туалет, достаю маленький сейф, в котором храню деньги, и бросаю его в сумку. Убедившись, что все мои вещи собраны, я иду к Татум.

— Готова? — спрашиваю я.

Она кивает, держа чемодан.

— Да, вот же дерьмо.

Я смотрю на свой чемодан, а затем снова на чемодан Татум.

— Это был Бишоп. Как он нашел мой номер?

— Мэди, я уже говорила. Они владеют школой и умеют использовать людей.

— Думаю, они все еще хотят меня убить.

— Убить тебя? — спрашивает она, потрясенная.

Покачав головой, я улыбаюсь, пряча хмурый взгляд, и поворачиваю голову к двери.

— Думаю, нам пора в Бристоль.

ГЛАВА 5

Раздвижные стеклянные двери открываются навстречу прохладному воздуху — куда более прохладному, чем в Новой Зеландии. Уже почти декабрь, поэтому в этой части страны уже довольно холодно, в отличие от Новой Зеландии, где в декабре — жаркое лето. Хотя особого выбора у нас и не было. Татум подходит ко мне, стуча зубами.

— Боже, давай в следующий раз выберем место потеплее.

Я улыбаюсь ей и подзываю рукой такси, подъехавшее к обочине. Машина останавливается чуть впереди, и я бегу к приоткрытому окну.

— Вы свободны?

Таксист кивает.

— Ага!

Затем он открывает багажник, чтобы мы могли положить туда свои сумки.

— Где именно мы остановимся? — шепчет Татум.

Я пожимаю плечами и кладу чемоданы в багажник.

— Я не знаю. Думаю, мы просто попросим его отвезти нас в дешевый мотель или что-то в этом роде.

— Хорошая идея. — Татум кивает, садясь на заднее сиденье.

Спустя несколько дней после того, как мы нашли неплохое место для ночлега, мы с Татум сидим в баре. Из массивных динамиков доносится «Nail to the King» Avenged Sevenfold. Я делаю глоток из своего стакана, и Татум мне подмигивает.

— Думаю, мне здесь понравится.

Она оглядывается, пока ее взгляд не останавливается на двух парнях, которые явно нас рассматривают.

— Пошли. — Она ухмыляется, хватая меня за руку.

— Тат...

— Мэди, ради бога, когда ты наконец забудешь про Бишопа? Он лжец и не заслуживает тебя! — Ее руки поднимаются к моим щекам. — Давай, повторяй за мной.

Я прикусываю нижнюю губу, сдерживая смех.

— Бишоп Винсент Хейс — придурок, — спокойно говорит она, ожидая, что я повторю за ней.

Из-за выпитого алкоголя у меня вырывается глупый смешок.

— Бишоп Винсент Хейс — придурок.

— Молодец, красотка, а сейчас... — Она откидывает голову назад, выпивая свою порцию одним глотком. — Стоит подумать о парнях.

Она тянет меня через толпу людей, пока мы не оказываемся перед двумя парнями, которые раздевали нас глазами.

— Привет, мальчики. — Татум усмехается. — Кто из вас сегодня покупает нам выпивку?

Они оба вскакивают со своих стульев.

— Хитро, — хихикаю я себе под нос.

Совсем не в моем вкусе.

Земля начинает кружиться у меня перед глазами, в то время как один из парней притягивает меня к себе.

— Хочешь потанцевать, малышка?

Малышка? Я пожимаю плечами, это ведь просто танец. Он тянет меня на середину танцпола как раз в тот момент, когда начинает играть «Bad Things» Machine Gun Kelly. Конечно, такая музыка располагает к чему-то личному, ну да ладно. Мы не в ночном клубе, это обычный бар. Он находится прямо под комнатой, в которой мы остановились, и нам просто захотелось провести здесь время. Парень снова притягивает меня к своей груди — груди, полностью противоположной груди Бишопа. Она мягче, чем хотелось бы, и когда я смотрю вниз, то замечаю его пивной животик.

Какой ужас. Нет, я не могу этого сделать.

— Извини, — я отталкиваю его от себя, — я не могу.

— Ерунда. — Он усмехается, брызгая слюной.

— Нет, — снова отвечаю я, надавливая на его грудь. — Мне не хочется.

Он хватает меня за запястье и снова притягивает к себе.

— Эй! — кричу я, уже не скрывая недовольство.

Где Татум? Я оглядываюсь, но нигде не могу ее найти. Он тащит меня к задней двери, над которой мигает табличка «выход».

— Нет!

Я пытаюсь вырвать свою руку из его хватки, но безуспешно. Он грубо тащит меня за собой, и я оглядываюсь, надеясь, что хоть кто-то нас заметил, но оглушительная музыка и толпа людей делают нас совершенно незаметными. Добравшись до двери, он толкает ее, и я почти теряю сознание. О нет.

— Прекрати, — стонет Татум вдалеке.

— Татум! — Я всматриваюсь вглубь темного переулка и вижу рядом с ней другого парня, задирающего ей платье.

— Маленькие американские шлюшки, — бормочет вцепившийся в меня парень. — Мы вам покажем.

— Нет! — кричу я, толкая его в грудь.

Боже мой, почему именно сейчас мои конечности напоминают желе и почему я вся горю? Я сжимаю бедра, пытаюсь успокоиться, но ничего не получается. Во всяком случае, легче мне не становится. Я бросаюсь к жирному уроду и вцепляюсь ему в лицо, чувствуя, как его плоть застревает у меня под ногтями.

— Маленькая тварь!

Он толкает меня к стене, и моя голова с треском ударяется о кирпичи.

— Татум, очнись. Останься со мной. — Парень, который ее держит, стягивает с нее трусики. В это же время парень, который прижал меня к стене, тянется к моим бедрам.

— Отвали от меня, жирная сволочь!

Я не буду плакать. Ни за что, черт возьми, не буду плакать. Я смотрю ему прямо в глаза.

— Если ты подойдешь ко мне со своим жалким отростком, который ты называешь членом, я на хрен его оторву.

Он смеется.

— Сомневаюсь в этом, дорогая.

Затем он срывает с меня трусики, грубо обхватывает верхнюю часть бедер, в то время как кончики его пальцев впиваются в мою плоть.

— Давай же, откройся, будь хорошей девочкой.

Я с силой плюю ему в лицо, как раз в тот момент, когда вдалеке раздается выстрел. Кровь и мозги разбрызгиваются по всему моему лицу. На долю секунды его глаза широко распахиваются, а затем он замертво падает на землю с не-

Амо Джонс

громким стуком. Из меня вырывается леденящий кровь крик, а затем раздается еще один выстрел, и парень, который держал Татум, падает на землю, обрызгав ее кровью.

Татум кричит, а я падаю на землю, погружаюсь в черноту. Чьи-то руки обхватывают мое тело, и прежде, чем мной овладевает сон, я слышу:

— Черт возьми, идиотка.

ГЛАВА 6

Я открываю глаза, не понимая, где нахожусь. Перед глазами начинают мелькать воспоминания. Я задыхаюсь, втягивая воздух. Рядом со мной на кресле сидит Бишоп.

Черт.

— Удивлена? — спрашивает он, изогнув бровь.

Я прочищаю горло.

— Ну, на самом деле нет.

Он сжимает челюсти, явно расстроенный.

— Вот и все. — Он качает головой, шепча себе под нос. — Я запрю тебя в подвале, пока это дерьмо не будет улажено.

— Что? — вскрикиваю я, чувствуя металлический привкус на языке. Прикасаюсь к губам, и воспоминания мгновенно захлестывают мой

мозг. — О боже! — Я наклоняюсь, зажимая рот рукой.

— Господи, котенок, в окно!

Я вслепую нащупываю кнопку и высовываюсь из машины.

— Ты, ты убил их!

— Да.

— Ты убиваешь людей?

— Да.

— Почему?! — кричу я, чувствуя подступающую к горлу рвоту и снова высовываюсь в окно, выплескивая в ночной воздух все съеденное за день. Откинувшись назад, вытираю рот и смотрю на него затуманенным взглядом. — Почему, Бишоп?

— По причинам, которые ты никогда не поймешь, Мэдисон.

Он смотрит на Татум, лежащую на сиденье перед нами. Не знаю, в чем лимузине мы находимся. Все кажется таким нереальным.

— Она спит. Я не убивал ее, — прерывает он мои мысли скучающим тоном.

— Что ж, ценю это. — Я закатываю глаза, не сдержав свою язвительность.

— Следи за своим гребаным языком, Мэди-

сон. Это твоя вина. Все это! — Он широко разводит руками. — Ты начала эту чертову войну, когда сбежала в тот день.

— Я? — выпаливаю. — Что, черт возьми, ты несешь? — Во мне закипает ярость. — Ты сделал это. Вы все! Я все еще ничего не понимаю!

— Сколько глав из книги ты прочитала? — спрашивает он, наклоняясь вперед и упираясь руками в колени.

— Книги? — спрашиваю я, откидываясь на подголовник. Мой разум все еще находится в оцепенении.

— Книга, Мэдисон, книга!

— Ой. — Я прочищаю горло. — Думаю, где-то четверть. А что?

— Она у тебя?

— Она лежит сумке у нас дома.

Бишоп наклоняется вперед и стучит по стеклу, отделяющему нас от водителя. Окно тут же опускается. Он приказывает шоферу отвезти нас обратно, назвав точный адрес.

— Вот это да! — качаю я головой, поднимая руки.

Бишоп откидывается на спинку кресла.

— Что? — рывкает он.

— Откуда ты знаешь, где я живу?

Он смеется, натягивая толстовку через голову.

— Котенок, неужели ты думаешь, что я позволил бы тебе сбежать? Я всегда знал, где ты живешь. Эта небольшая пауза была нужна только для того, чтобы ты немного успокоилась.

Подъехав к нашей дешевой квартирке и к бару, я вылезая из машины и захлопываю за собой дверь, разбудив Татум.

— Стой!

Бишоп выходит за мной, закрывая дверь. Не обращая внимания на его окрики, я иду к боковой лестнице.

— Мэдисон! — кричит он, его тяжелые шаги становятся все громче и громче. — Ты, черт возьми, остановишься?

Он хватает меня за руку, одергивая назад.

Я вскрикиваю, выдергивая руку из его хватки.

— Можешь оставить меня в покое? Боже! Ты...

Его рука летит к моему горлу, перекрывая мне воздух. Он толкает меня назад, пока моя спина снова не ударяется о кирпичи, встает между моих бедер и поднимает меня в воздух.